

С.Л. Чижков

Б.Н. Чичерин и идеология русского либерализма*

История русского либерализма имела целый ряд особенностей, отличающих ее от истории британского или французского либерализма. Мы не считаем возможным говорить о некоем едином европейском либерализме и сравнивать с ним, как с неким эталоном, либерализм российский. В каждой европейской стране либерализм зарождался и развивался в своей всегда уникальной форме и имел довольно сильную национальную специфику, связанную с теми задачами свободы, которые стояли на повестке дня той или иной страны на том или ином этапе ее развития. Поэтому, когда мы говорим об отличительных чертах русского либерализма, мы не рассматриваем их как недостатки или как отличия от некоего стандартного и общепризнанного либерализма. Первая и главная особенность русского либерализма состоит в том, что не экономическая или политическая теория, а философия права стала его теоретической основой, и именно в области философии права русский либерализм оставил самый заметный след. Вторая, и тесно связанная с первой, особенность русского либерализма состояла в том, что экономический либерализм и доктрина *laissez faire* не играли сколько-нибудь заметной роли в его развитии и становлении. При этом основные политические доктрины русских либералов всегда в той или иной степени учитывали воз-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 09-03-00299а «Идеология и процессы социальной модернизации».

можную позитивную роль государства. Это справедливо как в отношении «классического» либерализма Б.Н.Чичерина, так и в отношении более поздних различных вариантов социального либерализма.

Власть и право. Охранительный либерализм против бюрократического консерватизма

Праволиберальная идея, сформулированная в работах Чичерина начала 60-х гг. XIX в., вращается вокруг нескольких ключевых понятий – это свобода, порядок, власть и закон. Однако это не значит, что они абсолютно равноценны. Приоритет, безусловно, у свободы. Да и порядок Чичерин понимал в первую очередь как правопорядок, как порядок, основанный на законе. Чисто полицейские и административные аспекты порядка не самостоятельны, вторичны и лишь обеспечивают законность. На первый план они выходят только в ситуации серьезной угрозы обществу. С годами Чичерин стал весьма скептически смотреть не только на власть и «либеральное» чиновничество, но и на саму возможность продолжения либеральных реформ «сверху», то есть без активного участия общества. Лозунг «либеральные меры и сильная власть», выдвинутый им в начале 60-х гг., уже к середине 70-х стал не актуален. Однако концепция правого (консервативного, «охранительного») либерализма им не только не отброшена, но и обретает новое звучание, приближающее ее к классическим формам либерализма.

Две основные причины такой эволюции следует отметить. Во-первых, это трансформация государственной власти в России, постепенное ее превращение в разновидность бюрократического авторитаризма со всеми ее типичными чертами: приоритетом административных и полицейских мер, сужением общественного самоуправления вплоть до полного его упразднения, административным контролем судебной власти, полной опеки над обществом со стороны бюрократии. Во-вторых, это заметная философская эволюция самого Чичерина. Она связана как с отказом от весьма узкого и доктринерского восприятия Гегеля, что особенно стало заметным к концу 70-х гг., так и с серьезным развитием Чичериним учения о свободе и праве.

Трансформация российской власти вызывала не только опасения, но и прямой протест Чичерина. В этом отношении весьма показательна критика власти, которая содержится в его работе «Россия накануне двадцатого столетия». В ней Чичерин анализирует ситуацию в России, сложившуюся на рубеже веков, тот «багаж», с которым страна вступает в новый век. Он критически оценивает развитие России за последние двадцать лет уходящего столетия: «Остаться при нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Здание, воздвигнутое Александром II, должно получить свое завершение; установленная им гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической. Рано ли или поздно, тем ли или другим путем это совершится, но это непременно будет, ибо это лежит в необходимости вещей. Сила событий неотразимо приведет к этому исходу. В этом состоит задача двадцатого столетия»¹.

Какую бы проблему Чичерин не рассматривал в этой работе: образование, экономическую жизнь, права религиозных или национальных меньшинств, проблемы крестьянства, самоуправления, – он постоянно обнаруживает, что эти проблемы вообще никак не решаются, а систематически подавляются самым примитивным образом. Чиновничество присвоило себе привилегию решать все без исключения вопросы, при этом решает их исключительно путем административных и полицейских репрессий. Религиозные меньшинства сначала отселяются на дальние окраины страны, а потом и вовсе изгоняются из страны. Так было с духоборцами. Униаты, отказавшиеся воссоединиться с православной церковью, подвергаются гонениям. Евреи принудительно выселяются целыми семьями из Москвы, сужается черта оседлости, вводятся дополнительные ограничения на виды деятельности и владение недвижимостью, на получение высшего образования. Конфликты латышей и остзейских немцев заканчиваются принудительной русификацией и тех и других.

Бюрократия замахнулась даже на суды и сделала все возможное, чтобы ограничить независимость судей. Высшее чиновничество постоянно оказывает на них давление, мировые судьи

во внутренней России заменены чиновниками. Развращающая система наград и поощрений, система продвижения по службе угодливых судей делают свое дело. Чичерин понимает, что при такой политике «суды превратятся мало-помалу в послушных клеветов правительства»². Все споры между гражданскими и административными структурами всегда решаются самими административными структурами и только в свою пользу. Любой вопрос решается не на основе права, а на основе административного понимания пользы государства. В стране вообще перестали использоваться гражданско-правовые механизмы решения конфликтов, все постепенно перешло в сферу личного или коллегиального административного усмотрения. Бюрократия безраздельно господствует в России со времен Александра III, и за это время она хорошо осознала свои интересы, консолидировалась, сформировала круг своей поддержки и, по сути, стала сильнейшей партией в России, которой ничто не может противостоять. Фактически правящую Россией реакционную партию составляет, по мысли Чичерина, прежде всего «владычествующая бюрократия», но не только она. Разорившееся и разоряющееся дворянство, понимающее, что его дальнейшее существование целиком и полностью зависит от поддержки правительства, так же входит в эту партию. Представительное правление или любая другая форма участия народа в принятии решений для нее абсолютно неприемлема, как неприемлема и сама идея управления посредством права. У этих людей есть только одна надежда на выживание – милость власти и ее подачки. Понятно, что представительное правление этого не потерпит.

«Алчная к власти бюрократия, оторванная от почвы, погруженная в бумажное делопроизводство, не имеющая понятия об истинных потребностях народа и представляющая их постоянно в превратном виде, сообразно с личными целями правящих чиновников, хочет руководить всею жизнью русского общества, направлять его по своему усмотрению, опутать его целою сетью агентов, не дать ему дохнуть, одним словом, уничтожить в нем всякую самостоятельность и всякую самодеятельность»³. Государственные цели и интересы подменены интересами бюрократии. Чиновничество, по сути, захватило государство. Не интересы государства, а интересы чиновничества стали центром, вокруг которых должна была вра-

щаться вся жизнь страны. Как долго может существовать такая извращенная система? Чичерин опасается, что долго, так как в русском обществе царит «тупая покорность» произволу.

«Ограничить бюрократию невозможно, не коснувшись той власти, которой она служит орудием и которая, еще чаще, служит ей орудием»⁴, – справедливо полагает Чичерин. Пока существует неограниченная власть монарха, «безграничный произвол на вершине всегда будет порождать такой же произвол в подчиненных сферах. Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыв себя высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной»⁵.

Чем в действительности стал консерватизм в России и почему с необходимостью он скатился к реакции, – это особый предмет размышлений в данной работе. В эпоху реформ, пишет Чичерин, были зачатки «разумно-консервативного направления» но само правительство его разрушило⁶. Бесплодие консерватизма в России, его неизбежное перерастание в реакцию в условиях сохраняющегося самодержавия очевидны для Чичерина. Эта политическая партия, основанная на узких интересах бюрократии, – главный враг либерализма в России и всех либеральных учреждений. Чичерин считает неслучайным тот факт, что не социалистическая идеология, а именно либерализм стал главным объектом нападок бюрократии.

Ни в данной работе, ни в других работах этого периода мы не встретим слов в поддержку консерватизма, той его формы, которую он приобрел в самодержавной России. Интересно, однако, отметить, что от понятия «охранительные начала» Чичерин не отказался. Он по-прежнему считает, что в политической сфере свобода должна быть уравновешена охранительными началами, что только их сочетание может обеспечить нормальное функционирование общества. Но сами охранительные начала обретают во многом другой смысл: мы больше не встретим пресловутых «начал власти», но совершенно определенно обнаружим, что Чичерин начинает интерпретировать охранительные начала в правовом ключе. Так в третьей части «Курса государственной

науки)⁷ Чичерин вообще связывает консервативные начала с определенными формами собственности и их правовыми режимами. Чичерин в первую очередь имеет в виду крупную земельную собственность; именно в связи с анализом ее места и роли в экономике и политике вновь возникает понятие «охранительных начал». Эта и близкие ей формы собственности, основанные на них экономические уклады, а также устоявшиеся правовые режимы их функционирования формируют свое политическое представительство в виде партии консерваторов. Таким образом «охранительные начала» у Чичерина больше не связаны с «началами власти» и их особой ролью в истории России.

Вне всякого сомнения, работы Чичерина последних лет дополняют его политическую концепцию новыми идеями: консерватизм в своей крайней форме, форме реакции, может быть совершенно не связан с носителями консервативных интересов, представленных в гражданском обществе. Бюрократия и ее интересы – это совершенно особая сфера, особая корпорация. Ее интересы не связаны с каким-либо экономическим укладом, можно сказать, что она в принципе против любого самостоятельного уклада, она – за специфически бюрократический уклад, уклад, основанный на полной опеке над обществом. Все ссылки бюрократии на то, что она действует, исходя из соображений общей пользы и общественного блага, не состоятельны. Опека над обществом, его экономической жизнью – это и есть тот экономический и политический «уклад», который более всего устроил русскую бюрократию. Понятно, что никакого отношения к собственно «охранительным началам» крупной собственности и другим источникам консерватизма в реальной экономике и гражданской жизни она не имеет. Бюрократия концентрирует в своих руках огромные средства и перераспределяет их по своему усмотрению, не обращая внимания на тот ущерб, который наносится «производительным силам народа»⁸.

Таким образом, можно заключить, что в России сформировался совершенно иной тип консерватизма, иной по самой своей природе, по своим источникам. Поэтому ничего удивительного нет в том, что он категорически отвергал любые требования правового ограничения власти и возрождения правовых форм общественной жизни, которые исходили как из лагеря либералов, так и из лагеря разумных консерваторов. Для Чичерина во-

прос о праве был ключевым вопросом. От развития правовых форм общественной жизни зависела дальнейшая судьба России. Не власть, не политика, а именно право для Чичерина и есть то «место», где гармонично сочетаются свобода и порядок, свобода и охранительные начала, личное и общественное, интересы общества и «интересы» государства. Развитие страны посредством права – вот главная задача государственной власти. Поэтому Чичерин так ясно понимал всю катастрофичность положения, в котором оказалась Россия под властью бюрократии. Буквально все, что она делала, шло вразрез с ее подлинными интересами, с задачами ее развития.

Свобода для Чичерина – это не некие внешние условия, дарованные или завоеванные, это не некие общественные конвенции, а сам способ, каким человек существует в мире. Соответственно и право при всей его относительной автономии есть, в сущности, проявление и обеспечение глубинных процессов признания в обществе ценности личности, ее достоинства и ее свободы. Учение о праве у Чичерина тесно связано с его философской антропологией, с его пониманием природы человека и его свободы. Может даже показаться странным, что один из крупнейших теоретиков государственного права видел истоки права не в том, что есть государство, а в том, что есть личность. Источником права по Чичерину не могут являться ни распорядительные функции государства, ни охраняемый законом интерес, ни некие от века присущие человеку естественные права. «Источник права есть свобода, из нее вытекает и требование взаимного признания»⁹, и защита интереса, и права человека, из нее, в конечном счете, проистекают и задачи государства. Именно свобода является источником права, именно развитие свободы определяет и развитие права, и развитие государства. Таким образом, представления государства о себе как о творце права – представление явно преувеличенное. Право не сводится к совокупности законов. Государство лишь устанавливает в обществе правомерный порядок в соответствии с идеями права, которые порождаются в обществе. В известном смысле государство само есть производное от права, оно порождено правом, действует посредством права. Защита права – его главная цель. «Право для государства есть не только средство, но и цель. Охранение права составляет одну из первых и самых

существенных его обязанностей... Установить в обществе правомерный порядок и охранять права граждан от нарушения, такова первая задача общественной власти. И чем выше стоит государство, тем глубже и полнее оно понимает эту задачу. Высшая цель внутренней политики в истинном ее значении состоит в большем и большем водворении правды в общественных отношениях, соображаясь с условиями жизни и с обстоятельствами, но постоянно имея в виду идеальное начало. Это требование относится не только к отношениям граждан между собою, но и к отношениям органов власти к гражданам... Уважение к закону составляет одну из самых крепких опор государственного порядка, а уважение к закону неразрывно связано с охранением права»¹⁰.

В чем же состоит прогресс права и в чем его смысл? Он в первую очередь состоит в укреплении правового статуса личности, ее достоинства. Чичерин называет это укреплением личностного («индивидуалистического») начала в обществе. Укрепление этого начала есть, по сути, раскрытие и установление в обществе его подлинного основания. Чичерин пишет: «Индивидуализм, состоящий в признании свободы лица, составляет краеугольный камень всякого истинно человеческого здания. Теории, которые не хотят знать ничего, кроме владычества целого над частями, пригодны для машин, а не для людей. В действительности сознанием и волей обладают только отдельные лица, а не общие учреждения, которые существуют и действуют единственно тем, что они представляются лицами. Если разум и воля составляют начало и конец всей общественной деятельности, если самые общие начала осуществляются лишь через сознание лиц и окончательно служат их же удовлетворению, то нет ни малейшего сомнения в том, что личность есть основной и необходимый элемент всякого общежития»¹¹. Совершенно очевидно, что бюрократический вектор развития российской государственности противоречит всем ключевым понятиям о целях и задачах государства, противоречит основному направлению развития общества и идет вразрез с потребностями личности. Чичерин понимает, что все это, в конечном счете, может привести к революционному взрыву. В результате неподготовленный народ получит в свои руки бразды управления государством и, что весьма вероятно, употребит полученную власть себе во вред.

Если концепция охранительного либерализма была первоначально направлена на противодействие политическому радикализму, то в поздних работах острее этой концепции было направлено уже в прямо противоположную сторону – в сторону бюрократической реакции, воцарившейся в России.

Личность и право. Задачи либерализма в России

В своих работах Чичерин резко критиковал не только различные формы социального и политического радикализма и бюрократического консерватизма, но и различные легковесные либеральные теории, с их порой весьма упрощенными представлениями о государстве, личности, нравственности и свободе. Чичерин был представителем той высокой русской мысли, которая не могла мириться с примитивными утилитаристскими и позитивистскими концепциями человека, постепенно овладевавшими умами русского «образованного общества» во второй половине XIX – начале XX вв. Практически он противостоял большинству современных ему идейных, политических и мировоззренческих направлений¹².

Чичерин прекрасно понимал, что смена власти сама по себе ничего в России не решает, поскольку ее проблемы много глубже и серьезнее. Проблемы эти лежат в первую очередь в отсутствии правовых форм жизни и в засилье различных суррогатных форм, замещающих право, а главное – в крайне низком общественном статусе личности. России предстоит, считал Чичерин, длительная эволюция, а любой политический радикализм, в том числе и консервативный, будет лишь помехой этому движению. Во имя развития правовых форм жизни Россия должна пройти долгий путь партнерства общества и власти с тем, чтобы сформировать современное государство с полноценным представительным правлением, ответственным правительством, развитой политической системой. Чичерин всегда был убежден, что то направление развития, которое было заложено в эпоху «великих реформ» Александра II, было единственно приемлемым для России.

Если бы задача развития правовых форм общественной жизни сводилась к простому принятию нужных законов и учреждению необходимых институтов, то не было бы более простой

задачи. Для Чичерина правовые формы жизни и само право не есть простая совокупность законов и соответствующих институтов. Право для Чичерина, как мы уже подчеркивали выше, при всей его относительной автономии есть, в сущности, проявление и обеспечение глубинных процессов признания в обществе ценности личности, ее достоинства и ее свободы. Но что же такое личность, что такое человек? Чичерин и в этом вопросе серьезно расходится с доминирующими в обществе как материалистическими, так и религиозно-мистическими представлениями. Природа человека двойственна. Для обозначения этой двойственности Чичерин вводит понятие «разумно-чувственная» природа человека. С одной стороны человек является частью мира природы, мира, в котором все подчинено многообразным ее законам. С другой – он разумное и нравственное существо и живет по законам совершенно отличным от естественных законов природы. Природное в человеке – это неотъемлемая часть самой природы. Но это также неотъемлемая часть самого человека, без нее его бы просто не существовало как единичного, конечного, реального существа. Как природное существо человек подчиняется законам материального мира и живет в этом мире, сообразуясь с его законами. Эти законы, естественные законы природы, действуют и в самом человеке. Человек должен поддерживать свое биологическое существование, удовлетворяя свои потребности, которые «вложены в человека природою для поддержания жизни и продолжения рода. Естественный закон человеческого существования состоит в их удовлетворении»¹³.

Чичерин постоянно подчеркивает, что человек не просто вынужден жить в чувственном мире, но и любит его, наслаждается им, радуется ему и испытывает счастье. «Чувственная сторона человека» – это не некая непосильная и чуждая человеку ноша, не некое проклятие или испытание его духовных сил, это сильная и притягательная сторона его жизни. К тому же «человек не может не любить тот чувственный мир, в котором он живет, ибо он видит в нем поприще для осуществления вверенных ему духовных начал, и эта любовь одна дает ему силу осуществлять в нем эти начала. Иначе следовало бы не действовать, а удалиться от мира; земная жизнь не имела бы смысла»¹⁴, если бы человек был только разумным существом, а не разумно-чувственным. Природа человека

содержит в себе нечто большее, не сводимое к природному в человеке и не выводимое из него. Человек – существо разумное. Разум в человеке – это не только возможность познания, но и деятельная сила¹⁵. Человек не только познает мир, но и реализует себя в нем. Реализуя себя, свою разумную сущность в чувственном мире, человек, прежде всего, строит отношения с другими разумными существами, создавая тем самым неведомый природе нравственный мир, мир отношений разумных существ.

Природа и разум соприкасаются, сосуществуют и взаимодействуют в человеке и только в нем. Это соединение, уникальное в каждом конкретном случае, есть личность, точнее, – первое ее определение. Как разумное существо человек есть носитель абсолютного начала. Это значит, что «каждое разумное существо есть само себе цель»¹⁶ и исключительный источник своих действий¹⁷. Чичерин неоднократно и в самых разных своих работах подчеркивает эту мысль. «Как носитель абсолютного, человек является абсолютным началом своих действий. Всякое внешнее определение должно пройти через внутреннее самоопределение разумного существа, не связанного никакими частными побуждениями и способного возвыситься над всем относительным»¹⁸. Таким образом, самоопределение разумного существа первично и является источником его действий в «реальном мире». Тут важно подчеркнуть, что абсолютное – это не некая трансцендентная сущность, находящаяся вне разумного существа, а логическая категория, необходимо присущая разуму и заключающаяся в необходимо-логическом предположении о существовании бытия, независящего от другого, неопределяемого другим¹⁹.

Обнаруживающаяся как необходимое в мышлении категория абсолютного описывает и ситуацию разумного существа в мире. Разумное существо не просто идеально воспроизводит внешний мир в своем мышлении, но и является постоянно сохраняющейся неизменной деятельной причиной себя как сущего разума. Именно в этом смысле Чичерин постоянно указывает на то, что человек есть носитель абсолютного и безусловного и таковым должен мыслиться. Именно в силу того, что человек разумен, он свободен²⁰. В силу того, что он разумен, он также нравственен, так как нравственный закон есть закон построения отношений разумных существ друг с другом.

Это радикально меняет всю логику размышлений о человеке и обществе: не от общества к личности, а от личности к обществу, не от институтов к лицу, а от лица к институтам. Личность абсолютна и безусловна, общество обусловлено и относительно. На теории личности, поэтому, считает Чичерин, должны строиться и все общественные науки. Вне всякого сомнения, лучшим примером такого построения является одна из последних его работ – «Философия права», в которой Чичерин последовательно проводит идею свободы личности не только в качестве источника права, но и всего общественного устройства. Личность, таким образом, есть само себя обуславливающее деятельное начало, существующее в уникальном сочетании всеобщего и единичного, она объединяет в себе природное и духовное. Духовная составляющая имеет приоритет, но и природное не должно подавляться: личность должна найти в себе их гармоничное сочетание. Личность – это не некое общее понятие для обозначения совокупности изменяющихся свойств и состояний, а самоопределяющаяся сущность. Чичерин polemизирует с позитивистски ориентированной психологией своего времени, стремившейся свести личность к потоку психических свойств и явлений и наотрез отказавшейся от использования метафизических понятий. «Изменяющемуся ряду состояний невозможно присвоить никаких прав и нельзя предъявить ему никаких нравственных требований»²¹. И хотя каждая личность уникальна и имеет набор черт, только ей свойственных, основание личности лежит в абсолютном, носителем которого она является. Именно поэтому личность есть сохраняющаяся идентичность в процессе изменений, осознание своего я и себя как единого во времени бытия, поэтому личность «помнит себя в прошлом и предвидит себя в будущем»²².

Двойственность природы человека не означает наличия непроходимой границы или пропасти между духовным и природным в человеке. Чичерин постоянно подчеркивает, что человек не разъят на два мира, а как раз *объединяет* их в себе: «Человек соединяет в себе два мира: как нравственное существо, он следует общему закону; как существо чувственное, он преследует частные свои цели и ищет личного удовлетворения. Соглашение обеих сторон составляет высшую его задачу, конечную цель всего его существования»²³. Чичерин считает, что ни свобода, ни

нравственный закон отнюдь не требуют от человека какого-то отречения от материальной стороны жизни, какого-то аскетизма и уж тем более не требуют отшельничества. Он пишет: «В сущности, в нравственном законе нет ни малейшего повода относиться отрицательно к человеческим потребностям, даже физическим. Потребности вложены в человека природою для поддержания жизни и для продолжения рода. Естественный закон человеческого существования состоит в их удовлетворении. Если высшее призвание разумного существа заключается в покорении себе физического мира, то оно может это сделать, только подчиняясь его законам и пользуясь ими для своих целей»²⁴.

Свобода есть самоопределение, однако, самоопределение всегда есть выбор между разными мотивами и различными путями их реализации. Самоопределение допускает как исполнение нравственного закона, так и уклонение от него. Нравственные поступки людей вменяются им в заслугу именно потому, что они могли поступить и иначе, человек волен принять решение и действовать несовместимым с нравственностью образом. Поэтому, считает Чичерин, «свобода добра есть вместе с тем свобода зла»²⁵; невозможно искоренить свободу зла не искоренив свободу вообще.

Деятельность на пользу ближнего открывает многие потаенные смыслы нравственного закона: деятельность на пользу других может быть осмысленной, только если счастье составляет законную цель человеческой жизни. Но из этого следует, что и для каждого человека данное суждение верно, то есть что счастье есть законное стремление в жизни каждого человека и законная цель его деятельности²⁶. Идея гармонии физического и духовного в человеке так же говорит нам о том, что физическая природа человека – это не то, чего надо стыдиться. Совершенно неправильно стыдиться своих животных потребностей и отрицательно к ним относиться. Чичерин видит, что из этих «животных» потребностей рождаются самые высокие духовные радости и самые святыя человеческие чувства: семейная жизнь, супружеская любовь, любовь к детям во многом коренятся именно в физической природе человека. Чичерин не утверждает, что стремление к счастью, к возможно более полному удовлетворению своих потребностей есть ценность непосредственно нравственная, однако, это стремление есть фундаментальное право разумного нравственного существа. Таким об-

разом, Чичерин не только реабилитирует то, что веками третировалось в нашей культуре, да и не только в нашей, но и доказывает, что стремление к счастью хотя и не есть собственно нравственный закон, а есть право, но право, имеющее и нравственное значение, и нравственное освящение. Именно стремление к счастью и свободу совести Чичерин признает в качестве неотъемлемых прав, неотъемлемых естественных прав, поскольку они составляют абсолютное условие осуществления внутренней свободы: их нельзя отнять, не уничтожив при этом саму личность. Все же другие права носят, по мнению Чичерина исторический характер и не могут быть признаны в качестве неотъемлемых. Даже столь почитаемое в либерализме право собственности, которое могло бы претендовать на место естественного права, так как проистекает (по мысли Чичерина) из свободы воли, направленной на внешний мир, все же не может считаться неприкосновенным, да таковым никогда в истории и не было. Это право исторически обеспечивалось не столько неприкосновенностью, сколько возмещением.

Право как таковое далеко не исчерпывается совокупностью действующих норм (законов и др.), считает Чичерин. С одной стороны, «истинное право есть право положительное, ибо оно одно определяет действительные отношения людей; оно одно имеет обязательную силу»²⁷. Поэтому философское или естественное право не есть собственно право. В то же время положительное право не есть нечто сугубо прикладное и утилитарное, оно имеет более высокое предназначение: оно переводит право «из области мысли, ни для кого не обязательной, в область действительности, обязательной для всех»²⁸. Получается на первый взгляд странная ситуация. Истинное право по Чичерину – это положительное право. Однако, основание самого этого «истинного права» лежит вне его, вне позитивного права и вне функций государства. Такая позиция как будто сближает его с теоретиками естественного права. Действительно, критику правового позитивизма, принципиальное его неприятие, мы постоянно находим на страницах его трудов, но и теории естественного права им часто критикуются за непонимание роли позитивного права. Однако, критикуя теории естественного права, Чичерин все же видит в них попытку понять метафизические основания права, даже если эти попытки и не всегда удачны.

Источником права, по Чичерину, не могут являться ни распорядительные функции государства, ни охраняемый законом интерес, ни некие от века присущие человеку естественные права. «Источник права есть свобода, из нее вытекает и требование взаимного признания»²⁹, и защита интереса, и права человека, из нее, в конечном счете, проистекают и задачи государства. Истина теорий естественного права состоит в том, что они осознают тот важный факт, что основание позитивного права лежит вне него и что само это позитивное право определяется понятиями о праве. Ошибка же этих теорий состоит в том, что они хотят представить систему этих понятий в качестве самого права, то есть вместо того, чтобы понять механизм превращения понятий о праве в общеобязательные нормы права, эти теории просто постулируют некоторые философские или нравственные тезисы в качестве правовых норм. И хотя Чичерин высоко оценивает историческое значение теорий естественного права, он все же хорошо понимает, что такое постулирование отнюдь не превращает эти тезисы в нормы права.

Если основание развития позитивного права, то есть собственно права, лежит вне него, то что и каким образом определяет это развитие? Ответ надо искать не только и не столько в доброй воле законодателя, а в самом устройстве свободы, это ведь она является источником права по Чичерину. К тому же, чтобы понять, как понятия, которые не являются правом, превращаются в право, надо понять, каким таким образом само право устроено, что оно становится восприимчивым к понятиям, которые могут еще и противоречить нормам позитивного права, предъявлять к ним претензии, требовать. У Чичерина активной стороной может быть только разумное самоопределяющееся существо, поэтому в «устройстве» права не только законодательный процесс, но и реальные действия и требования людей, их «правозащитная» деятельность определяет развитие права. Поэтому Чичерин так высоко оценивает значение субъективного права. Закон определяет внешнюю свободу одного лица, в том числе и для того, чтобы обеспечить право другого, то есть он запрещает, предписывает, регулирует деятельность одного лица, чтобы обеспечить право (гарантированную законом свободу) другого лица. Однако поведение лица определяется его собственным выбором, а не законом. Человек, поступая так или иначе, может ориентироваться на закон, но может его и игнорировать, он может ничего

о нем не знать или иметь о нем совершенно превратные представления, наконец, он может быть убежден, что закон на его стороне, в то время как он на стороне другого. Вариантов и различных обстоятельств может быть великое множество. Наконец, человек может совершенно сознательно пойти на нарушение чьего-то права. Таким образом, закон напрямую не регулирует выбор лица, но предоставляет спектр возможного поведения и предоставляет возможность защиты. Как это утверждение ни покажется странным, но позитивный закон напрямую не защищает и то лицо, чье право нарушено. Он лишь предоставляет этому лицу инструменты для защиты или восстановления нарушенного права, но осуществить защиту он должен сам. Человек, чьи права нарушены, так же выбирает между тем, защищать свои права или нет; мотивы отказа также могут быть самыми разнообразными: это и неверие в закон, это и простое нежелание что-то делать самому, но это могут быть и чисто нравственные основания. Основной инструмент защиты здесь – это иск. Никакая юридическая норма не может обязать человека защищать свои права, защищать их или нет – это предмет выбора самого лица.

Как мы видим, в основании прогресса права лежит практика самоопределения личности, то есть ее свобода. Таким образом, главная задача либерализма в России, считает Чичерин, – это развитие правовых форм жизни или права в широком смысле, то есть развитие и расширение практики самоопределения личности во всех сферах общественной жизни, включая экономику и политику. Поэтому не борьба за власть и не ее простая смена, а развитие форм жизни, определяющих правильное развитие власти в стране, должны стать главной задачей либералов на многие и многие годы. Сама государственная власть не есть нечто пассивное, она призвана содействовать развитию общества, однако, если она не зиждется на крепких основаниях свободной гражданской жизни и развитой личности, способной к «самостоянию» и самоопределению, то рано или поздно она с неизбежностью станет лишь орудием частного или корпоративного интереса. Один из видных теоретиков либерализма в России и активных думских либералов Василий Маклаков, сокрушаясь по поводу поражения либерализма в России и вспоминая Чичерина, справедливо отмечал, что главная ошибка либералов состояла в том, что масштабные задачи развития права они подменили чисто политическими задачами борьбы за власть.

Примечания

- 1 *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 614–615.
- 2 Там же. С. 567.
- 3 Там же. С. 583.
- 4 Там же. С. 608.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 589.
- 7 См.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. III: Политика. М., 1898. С. 518–519.
- 8 *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия. С. 566.
- 9 *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. 3. М., 1874. С. 422.
- 10 *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. III. С. 18.
- 11 *Чичерин Б.Н.* Философия права. С. 66–67. Чичерин постоянно возвращается к этой теме в своем главном труде по философии права: «Лицо, с одной стороны, имеет самостоятельное существование помимо общества, с другой стороны, оно является краеугольным камнем всего общественного здания. Поэтому индивидуализм составляет основное начало всякого человеческого союза; без этого нет истинно человеческой жизни, нет ни права, ни нравственности, следовательно, нет тех характеристических черт, которые отличают человеческие общества от чисто животных соединений. Отсюда понятна крайняя односторонность тех учений, которые исходят от отрицания индивидуализма» (Там же. С. 179–180).
- 12 Интересно отметить, что Петр Струве, который в начале XX в. был одним из самых яростных критиков Чичерина и даже называл его «литературной окаменелостью», в эмигрантский период не только искренне сожалел о той своей позиции, но и высоко ценил Чичерина именно за эти его расхождения с главными тенденциями в политике и культуре дореволюционной России, видя в последних причину краха, постигшего Россию.
- 13 *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 151.
- 14 *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1999. С. 178.
- 15 В «Основаниях логики и метафизики» Чичерин определяет разум как пребывающую в человеке деятельную силу, взаимодействующую с внешним миром посредством тела. Но разум также взаимодействует непосредственно с самим собой и через это взаимодействие определяет собственную внутреннюю свою деятельность, «которая состоит в идеальном воспроизведении действительности на основании своих собственных законов, путем логического разделения и соединения понятий и подчиненным им представлений» (*Чичерин Б.Н.* Основания логики и метафизики. М., 1894. С. 144).
- 16 *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. 1. М., 1894. С. 15.
- 17 Там же. С. V.
- 18 *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. Т. 2. М., 1883. С. 440.
- 19 Чичерин во многих своих произведениях подробно разбирает различные точки зрения, рассматривающие бытие абсолютного в качестве особого, вне разума находящегося бытия и определяющего внешним образом сам разум.

Чичерин показывает при этом логическую ущербность такой точки зрения. Отличие его собственной точки зрения от различных форм философского идеализма, в том числе и гегелевского, как раз и состоит в том, что абсолютное мыслится не как потустороннее или «иное» реальному, а как собственное основание всякого изменения и в сфере единичного и в сфере особенного. На этом была основана и его критика идеализма.

20 «Человек есть *свободное* существо, потому что он *разумное* существо; свободным он может быть только, если его разум есть самостоятельное начало, имеющее в себе самом источник своей деятельности» (Чичерин Б.Н. Вопросы философии. М., 1904. С. 166).

21 Там же. С. 39.

22 Чичерин Б.Н. Философия права. С. 40.

23 Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 3. С. 346.

24 Чичерин Б.Н. Философия права. С. 151.

25 Там же. С. 145.

26 Там же. С. 151.

27 Там же.

28 Там же.

29 Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 3. С. 422.